
И. И. ШЕВЧУК

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В статье с позиции философии истории анализируются основания, или корни, модернизации в истории России. Большое внимание уделяется трактовке понятий «модернизация», «революция» и «реформа». Для понимания сущности модернизации важнейшее значение имеет ее соотношение с понятиями «прогресс» и «цивилизация». Автор приходит к выводу о противоречивости реализации в России идей и практики модернизации, особенно в сравнении с аналогичными процессами в других цивилизационных образованиях.

Ключевые слова: модернизм, модернизация, органическая модернизация, неорганическая модернизация, революция, реформа, прогресс, цивилизация.

The article analyzes the foundations, or roots, of modernization in the history of Russia from the position of the philosophy of history. Much attention is paid to the interpretation of the concepts 'modernization', 'revolution' and 'reform'. To understand the essence of modernization, it is important to achieve its relationship with the concepts of 'progress' and 'civilization'. The author comes to the conclusion about the contradictory implementation of ideas and practices of modernization in Russia, especially in comparison with similar processes in other civilizational formations.

Keywords: modernism, modernization, organic modernization, inorganic modernization, revolution, reform, progress, civilization.

Сегодня все чаще можно услышать о «моде на модернизацию». А провозглашенный политическим руководством России курс на модернизацию делает все более актуальным ее социально-философское и философско-историческое осмысление. Для этого необходимо прежде всего различать понятия «модернизм», «модернизация», «модерн».

Ю. Хабермас полагает, что модерным «с эпохи Просвещения и романтизма считается все то, что способствует объективному вы-

ражению спонтанно обновляющейся актуальности духа времени» [Хабермас 1992: 40–41]. Под модернизмом мы понимаем «дух» Нового времени (а прежде всего Возрождения и Реформации), начало которого лежит в возникновении современной науки с ее культом рационального знания (отсюда «сциентизм» и «антисциентизм»)¹.

Существует много концепций (и теорий) модернизации. Некоторые из них рассматривают общественно-исторические изменения в линейной плоскости, хотя исторический процесс явно сложнее модели прогрессивного развития. Другие выделяют экономическую модернизацию как масштабную индустриализацию и интенсификацию аграрного сектора экономики; культурную модернизацию как воспитание («создание») нового человека, который ориентируется на «чистый» рационализм; политическую модернизацию как реформу традиционной политической системы, когда государство воспринимается в качестве особого института, которому обществом передаются важные организационные цели-функции и т. п.

В философско-историческом рассмотрении модернизация как форма общественного прогресса предполагает исторический переход от доиндустриального общества, где основными факторами были земледелие (использовалась мускульная сила человека), армия и церковь, к индустриальному обществу (с использованием машинной техники, новых видов топлива в результате промышленного переворота в 1760–1780-е гг. в Англии) и далее, в результате НТР, информационной технологической революции, к постиндустриальной стадии, которой присущи высокий уровень развития информации и сферы услуг. А главное – наука стала «непосредственной производительной силой». Кроме однолинейных концепций модернизации, существуют многолинейные концепции, допускающие многовариантность социальной эволюции.

Итак, модернизация – это революционный переход от доиндустриального общества через индустриальное к постиндустриальному путем комплексных реформ (то, что мы называем революционным реформизмом), растянутых во времени. В либеральном по-

---

¹ Предметом исследования постмодернизм не является.

нимании модернизация – это социально-экономическое, политическое и культурное реформирование традиционного общества в индустриальное и постиндустриальное с созданием демократических институтов и прежде всего гражданского общества и правового государства.

В социальной философии выделяются следующие виды модернизации: органическая и неорганическая. Органическая модернизация является элементом, частью собственного развития страны и подготовлена всем ходом предшествующей эволюции. Она начинается с культуры и изменения общественного сознания. Неорганическая модернизация представляет собой ответ на внешний вызов со стороны более развитых стран. Вызов (чаще всего внешний) – это фундаментальная проблема, с которой сталкивается цивилизация в своем развитии, а ответ (почти всегда внутренний) – это то, как цивилизация справляется с данной проблемой. По А. Тойнби, «функция “внешнего фактора” заключается в том, чтобы превратить “внутренний творческий импульс” в постоянный стимул, способствующий реализации потенциально возможных творческих вариаций» [Тойнби 1991: 108].

Неорганическая модернизация является способом догоняющего развития, предпринимаемого государством для того, чтобы преодолеть историческую отсталость и избежать зависимости от более развитых стран. Она начинается, как правило, с политики и экономики, причем как мирным, так и революционным способом и часто носит характер форсированной модернизации, что чревато социально-политическими издержками. Истоки революционной модернизации коренятся, в частности, в разрыве представлений о необходимости модернизации у косной старой политической элиты, а также, говоря словами А. Тойнби, у «активного меньшинства» и «пассивного большинства» [Там же: 259–261]. Поэтому революция, совершенная руками «активного меньшинства», уничтожает косную элиту и либо мобилизует «пассивное большинство», либо подчиняет его и проводит модернизацию.

По мнению П. Штомпки, о теориях модернизации можно говорить в трех смыслах: 1) модернизация – это синоним всех прогрессивных социальных изменений; 2) модернизация – это комплекс социальных, политических, экономических, культурных трансфор-

маций, достигших пика в XIX–XX вв. (индустриализация, урбанизация, демократизация, доминирующее влияние капитализма)²; 3) модернизация есть движение от периферии к центру современного общества (от менее развитых к более развитым в экономическом и научно-техническом отношении странам) [Штомпка 1996: 59].

С нашей точки зрения, определяющее значение в общественном развитии все более принадлежит теоретическому знанию как источнику всех инноваций, модернизационная инициатива переходит к интеллигенции, а политические решения и экономические программы должны основываться на результатах научных исследований.

Для понимания сущности модернизации важнейшее значение имеет ее соотношение с понятием «прогресс». Несомненно, что модернизация и общественный прогресс являются взаимосвязанными: модернизация – это мерило прогресса, а прогресс предполагает модернизацию. Прогресс (от лат. «движение вперед») есть поступательное развитие, при котором все изменения, особенно качественные, идут по восходящей линии, под которой понимается переход от низшего к высшему, от простого к сложному, «от несовершенного к более совершенному» (Г. В. Ф. Гегель). Различают общественный (социальный), материальный (экономический), научно-технический прогресс и др. Правда, нередко считают, что прогресс в обществе (его основных сферах) существует, а прогресса общества быть не может, так как общество в данном случае – это не в полной мере субъект.

Одновременно понятие прогресса все чаще стало заменяться понятием «социальные изменения», то есть и к лучшему, и к худшему – любые изменения вообще (Л. Визе). К. Поппер же категоричен: «Прогрессировать можем только мы, человеческие индивидуумы, и мы можем делать это, защищая и усиливая те демократические институты, от которых зависит свобода, а вместе с тем и прогресс» [Поппер 1992: 479].

---

² Заметим, что эта первичная модернизация (волна модернизации) затронула в основном западноевропейские общества XVI–XIX вв. Не случайно термин «капитализм» введен в научный оборот В. Зомбартом в 1902 г. в работе «Современный капитализм», изданной в Германии.

Как бы то ни было, модернизацию необходимо планировать, учитывая степень достигнутого прогресса, иначе, как подчеркивал А. И. Герцен, «при отсутствии плана и срока, аршина и часов, развитие в природе, в истории не то что не может отклониться, но должно беспрестанно отклоняться, следуя всякому влиянию и в силу своей беспечной страдательности, происходящей от отсутствия определенных целей» [Герцен 1959: 146]. Даже народ отразил в своем творчестве, воплотил в песнях и поговорках отсутствие реальных целей в любой преобразовательной деятельности («Мы с тобой не собьемся с пути, потому что дороги не знаем»; «Нас невозможно сбить с пути, нам все равно, куда идти»).

Важным методологическим вопросом является понимание соотношения понятий «революция», «реформа» и «модернизация». С нашей точки зрения, реформа – это особая часть революционного процесса. Созидательный характер реформ проявляется в том, что они подготавливают новые качественные изменения, способствуют мирному переходу к новому качественному состоянию общества, мирной форме протекания революционного процесса. Не вызывает сомнения и то, что в революционных процессах современной истории непреложно возрастает значение созидательных целей в ущерб разрушительным. Реформы превращаются из подчиненного и вспомогательного фактора в своеобразную форму выражения революционного преобразования (именно в этом смысле мы говорим о революционном реформизме).

Подчеркнем также следующее. В отличие от эволюционных реформ, имеющих источником преобразований внутренние потребности общества (источник идей реформ лежит в самой культурно-исторической практике народа, он – внутрисложен), источник идей модернизации внеположен в чужой культурно-исторической среде как идеал для подражания (вспомним органическую и неорганическую модернизацию). Механизмы реформ в процессе модернизации аналогичны осуществлению эволюционных и революционных реформ. Важнейшей особенностью влияния реформ на трансформационные процессы в обществе является прямое инициирование вертикальной социальной мобильности (в том числе интрагенерационной и интергенерационной), меняющей институциональную структуру общества в процессах социальной трансформации. Особое место реформы в практике социальных изменений,

гибкость и адекватность ее механизма позволяют с ее помощью: а) осуществить изменения на макро- и микроуровнях общества как системы в эволюционных процессах; б) определять успешность достижения социальных революций; в) влиять на социальную мобильность; г) менять институциональную структуру общества в процессах социальной трансформации [Зарочинцев 2014: 23].

Небезынтересно вспомнить модернизации, проводившиеся в истории России, где они имели вид неорганических, догоняющих, и в условиях автократии (авторитаризма) тяжелым бременем ложились на народные массы, носили насильственный, деспотический характер. Например, преобразования Ивана IV Грозного, связанные с репрессиями усиливающейся автократической власти, в конечном счете привели к распаду государства, Смуте.

Реформы Петра I Великого, законы которого, по выражению А. С. Пушкина, «писаны кнутом», были направлены на европеизацию внутренней жизни российского общества и модернизацию социально-экономического и государственного строя России: а) «пересаживание» голландских инноваций абсолютистскими средствами; б) переформирование элиты в новое дворянство по закону о единонаследии 1714 г.; в) создание в 1718 г. коллегий по шведскому образцу вместо приказов; г) секуляризация религии на манер англиканской церкви начиная с первой четверти XVIII в. С социально-философской точки зрения особенность, а главное – ошибочность петровских реформ заключалась в противоречиях (в большинстве антагонистических), основными из которых были: а) проведение реформ на основе государственной системы крепостного права («крепостной капитализм»), то есть самодержавие и крепостничество («русский вариант рабства») были инструментами модернизации; б) зависимость внутренней политики от внешней: реформы проводились одновременно с Северной войной (1700–1721 гг.), победа в которой имела для Петра I приоритетное значение (при этом нарушался важнейший философско-диалектический постулат о приоритете внутреннего, существенного над внешним). Заметим, что пример Западной Европы для Петра I носил сугубо прагматический и конъюнктурный характер. Якобы он сказал (записал А. И. Остерман), что «нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом». То есть сближение с Европой было в глазах Петра I только средством для до-

стижения цели, а не самой целью [Ключевский 1989: 196]. Не случайно М. Волошин в поэме «Россия» сказал, что «Великий Петр был первый большевик».

Даже Петр III Федорович, издавший «Манифест о вольности дворянской» и принявший решение о секуляризации церковно-монастырских земель, якобы допускал мысль об отмене крепостного права, принял закон о лесе (как принадлежащем нации), о наказании помещиков, истязавших крестьян, ликвидировал Тайную канцелярию, разрабатывал церковную реформу, в соответствии с которой реализовалась идея свободы вероисповедания, разрешив раскольникам следовать своим обрядам и прекратив их преследование (и это за 186 дней своего царствования!).

При Екатерине II Великой имперское искушение к безграничному расширению жизненного пространства (территория Российской империи к концу ее правления достигла примерно 18 млн кв. км, а сейчас территория РФ – это 17 млн кв. км) заменило движение внутри, отодвинуло назревшие и перезревшие реформы внутренней жизни, препятствуя основательному обустройству центральных губерний России, хотя при этом действительно было издано множество указов, затрагивающих многие сферы жизни российского общества. Особенно привлекателен пример усиления власти дворян-помещиков – основного сословия крепостников: Екатерина II утвердила идею абсолютной собственности помещиков на землю, включая недра под земельными участками и воздушный столб над ними.

А. С. Пушкин называл Александра I Благословенного, Победителя «властителем слабым и лукавым» и «нечаянно пригретым слабой». Александр I предпринял робкие попытки реформировать государственное управление. По его поручению М. М. Сперанский попытался модернизировать российскую государственную машину введением буржуазных по своему содержанию реформ, которые должны быть проведены сверху и сохранять сословный строй, но был за это наказан.

Николай I Палкин также проводил противоречивую внутреннюю политику. С одной стороны, он укреплял крепостничество, а с другой – пытался приспособить его к требованиям времени (в Западной Европе произошли буржуазные революции и развивалась буржуазная демократия). В конечном счете он пришел к мыс-

ли, что крепостное право – это «зло», однако отменять его в данный момент – «еще большее зло». Поэтому внутреннюю политику Николая I назвали в нашей истории консервативной модернизацией.

Александр II Освободитель провел отмену крепостного права (1861 г.) и другие Великие реформы. Не умаляя их модернизаторской роли, подчеркнем, что их общая оценка является неоднозначной. С одной стороны, эти реформы, несомненно, имели прогрессивное значение; с другой стороны, считается, что «дали волю поневоле», а по мнению радикалов, это был «бессовестный грабег крестьянства» (похожий, говоря сегодняшним языком, на «прихватизацию» 1990-х гг. в РФ).

Нельзя не согласиться со следующим. Уже после «Манифеста о вольности дворянской» 1762 г. Петра III было очевидно, что служба для дворян перестала быть обязанностью и следовало освободить тех, кто материально обеспечивал выполнение этой обязанности, поэтому освобождение крепостных сильно запоздало. Но Средневековье в России все-таки закончилось.

Тем не менее не случайно революция 1905–1907 гг. началась в том числе и по причине существования негативных факторов в реформах 1860–1870-х гг., а контрреформы 1880–1890-х гг. Александра III Миротворца «заморозили» страну, вызвав февральскую и октябрьскую революции 1917 г.

Трагедия Николая II, с нашей точки зрения, заключается в том, что он, будучи неплохим реформатором, не был понят современниками. Не было в России на рубеже XIX–XX вв. сферы жизни, которую бы он не модернизировал. Это и здравоохранение, и электрификация, и создание отечественных авиации и подводного флота, и 80 % построенных в его правление железных дорог, и аграрная реформа, которую приписывают одному П. А. Столыпину (на самом деле она была задумана Николаем II еще в 1894 г.). В то же время император обладал набором качеств, которые трагически не соответствовали великой и грозной эпохе.

Устойчивый рост экономики нельзя полностью ставить ему в заслугу: к моменту воцарения Николая II стали давать реальные результаты реформы, начатые Александром II и скорректированные Александром III. Николаю II не удалось создать «команду», подобную той, что поддерживала Петра I. Он не понял, что для реформи-

рования, модернизации страны нужны соответствующие кадры, поэтому устранил от власти многих способных управленцев и, наоборот, ставил на ответственные посты непригодных. Не будем забывать, что он поддавался внушению окружения, будто П. А. Столыпин может «свалить» и его. Против талантливого реформатора Столыпина поднялось и дворянство, которое видело в нем разрушителя «вековых устоев» и «узурпатора власти», а Николай II почти не препятствовал этому. Поэтому фигура сторонника модернизации российского общества Столыпина оказалась трагической.

В условиях политической власти большевиков после проведения новой экономической политики первой четверти 1920-х гг., которая была имманентно противоречивой, поскольку цель была социалистической (политика), а средства для ее достижения – капиталистическими (экономика) (на Западе нэп не случайно назвали «подогретым льдом»), начались реформы под руководством И. В. Сталина.

Его модернизационные устремления были связаны с форсированной индустриализацией, сплошной коллективизацией и культурной революцией (в меньшей мере). В результате их реализации СССР за одно поколение колоссальным рывком осуществил первоначальное накопление средств, Сталин поднял страну, преодолел разрыв в научно-техническом потенциале с Западом и выиграл Великую Отечественную войну. При этом сталинские модернизационные реформы в целом носили принудительный характер и имели слишком высокую цену социальных издержек. Они консервировали социальную отсталость, в определенном смысле воспроизвели крепостническую архаику. С одной стороны, налицо заимствование передовых западных технологий, с другой – фильтрация сопутствующих технологиям инокультурных элементов, отсеивание «чуждой информации». Не случайно в период репрессий 1930-х гг. были расстреляны многие, кто прямо или косвенно был причастен к закупкам импортного оборудования периода индустриализации, чтобы скрыть правду о том, как и кем осуществлялась индустриализация в Советском Союзе. Но как бы то ни было, индустриализация и коллективизация (при всех очевидных издержках) способствовали становлению СССР как великой державы.

В связи с этим периодом в нашей истории нельзя не вспомнить неоднозначную фигуру Л. П. Берии, получившего в целом негатив-

ную оценку. При этом подчеркнем, что, будучи наркомом внутренних дел (фактически с 1938 по 1953 г.), Берия провел реформу ГУЛАГа, ослабил тюремный режим (в том числе материальное обеспечение заключенных – еда, одежда), а также способствовал образованию «шарашек», где в относительно сносных условиях работали ученые-конструкторы, создавая военную технику для надвигающейся войны. В годы Великой Отечественной войны Берия курировал «атомный проект», в результате чего Советский Союз в 1949 г. испытал атомную бомбу. После войны он проявил недюжинные способности в руководстве ракетостроением (1951 г.). После смерти Сталина Берия предлагал ослабить роль партийных органов КПСС в хозяйственном развитии, уменьшить военные расходы, пытался инициировать некоторые экономические реформы, целесообразность которых отмечают ученые-экономисты.

Реформы Н. С. Хрущева, за исключением «ракетного рывка» (первый спутник, полет космонавта Ю. А. Гагарина и др.), имели прежде всего политизированный характер. Правда, под руководством первого заместителя председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина (правительство тогда возглавлял сам Н. С. Хрущев) замысливались экономические реформы. Ставший после снятия Хрущева в октябре 1964 г. руководителем правительства Косыгин в 1965 г. начал их реализовывать. В марте 1965 г. на Пленуме ЦК КПСС было решено начать реформы в сельском хозяйстве, а в сентябре 1965 г. – в промышленности. Не случайно 8-я пятилетка (1966–1970 гг.) была признана в Советском Союзе наиболее успешной.

Но затем прирост объема производства стал сокращаться по двум основным причинам: 1) директивная экономика быстро нейтрализовала робкие и непоследовательные меры по реформированию хозяйственного механизма (чиновничество, бюрократия в силу своей природы не были заинтересованы в кардинальных реформах, ставящих под угрозу их «статусное спокойствие»); 2) сама директивная (плановая, административная, мобилизационная, командная и т. п.) экономика подошла к пределу своих возможностей (удивительно, но трудно найти более точное сравнение, чем слова Шота Руставели, замечательного грузинского поэта XII в., автора поэмы «Витязь в тигровой шкуре»: «Из кувшина может вытечь только то, что было в нем»).

В 1986 г. США в обмен на поставки современных вооружений подтолкнули Саудовскую Аравию к снижению цен на нефть, и дряхлеющей брежневской администрации уже не могли помочь нефтедоллары. Как говорилось противниками брежневского режима, возникли шесть «с»: «социалистическая система стала сама себя съедать». План 11-й пятилетки (1981–1985 гг.) не был выполнен ни по одному из показателей, и стало очевидно, что страна так развиваться дальше не может – необходимы радикальные реформы.

Горбачевские ускорение социально-экономического развития и перестройка (как и реформы Н. С. Хрущева) также носили политизированный характер, причем перестройка углубила раскол в обществе, прежде всего традиционный раскол на западников-реформаторов и традиционалистов-консерваторов, на сторонников свободной конкуренции и приверженцев социальной справедливости.

Администрация М. С. Горбачева поставила целью остановить распад системы государственного социализма. С нашей точки зрения, здесь более уместен утвердившийся термин «политаризм» – такой тип государственного устройства, при котором собственность является функцией власти (прежде всего чиновничьего аппарата), а не наоборот.

Средством было избрано осторожное реформирование общественных структур, прежде всего экономики. Но решения горбачевской администрации не опережали общественные процессы, а следовали за ними, чем и объясняется запоздалость реформ. Тем более верхам вскоре стало очевидно, что нельзя реформировать экономику, не реформируя политико-правовую систему.

Неспособность правящей элиты СССР реформировать строй привела к тому, что в декабре 1991 г. произошла «буржуазная реформация» и позже утвердился бюрократический капитализм, а государство СССР исчезло с политической арены.

Ельцинские реформы 1990-х гг. привели к созданию в современной России «дикого» олигархического капитализма. Все более утверждалась идея, что «в 1917 г. народ получил от большевиков справедливость, но потерял свободу, а после 1991 г. население получило свободу, но потеряло справедливость» [Григорий... 2003]. По крайней мере, модернизация приобрела стихийный характер, хотя власть пыталась формально утвердить основные демократические ценности, а дефолт 1998 г. завершил постсоветскую модернизацию.

Заметим, что упомянутые выше понятия «консервативная модернизация» и «догоняющая модернизация» по отношению к истории России не всеми воспринимаются как корректные, так как целью доминирующей миссии российских модернизаций является не трансформация системного качества российской цивилизации в сторону модерности. Модернизационный процесс в России имеет устойчивую доминанту – имперскую модель модернизации, которая началась с Петра I. Последняя предполагает не структурную трансформацию общества, а преимущественно количественные изменения внутри тех или иных сфер, связанных прежде всего с потребностями военного строительства.

При этом имперская модернизация осуществляется главным образом во имя стабилизации и консервации базовых характеристик империи, чему служат как инокультурные заимствования, так и достижения конкурентоспособности отдельных элементов культурно-цивилизационной системы. А сложившееся после Октябрьской революции 1917 г. общество надо рассматривать как особую «негативную форму синтеза» модернизирующегося традиционного общества с отрицанием капитала под влиянием марксизма, что детерминировано сильной ролью государства и слабостью институтов гражданского общества. Отсюда в российской модернизации наблюдается асимметричное и неравновесное сочетание имперской и либеральной моделей, действующих параллельно [Гавров 2004].

Можно не согласиться с такой позицией, но нельзя не понимать, что модернизация ведет не только к образованию централизованной государственной власти, концентрации капитала и все более утонченному переплетению разделения труда и рыночных отношений, мобильности, массовому потреблению, но и к освобождению от исторически заданных социальных форм и связей, утрате традиционной стабильности с точки зрения действенного знания, веры и общепринятых норм, к новому виду социокультурной интеграции. А уровень постиндустриальных технологий предполагает наличие эмансипированного менталитета, так как в новых условиях деятельность ученого раба не может быть сопоставима по эффективности с работой свободного ученого.

Рассуждая об актуальных проблемах российской модернизации, в том числе и о том, считать ли специфической формой модернизации создание в СССР социалистического строя, опасно не

заметить важность персональной модернизации. Как известно, социальный номинализм предполагает, что первичны индивиды и их установки к поведению и что общество – это сочетание сложных взаимосвязей и взаимодействий, которые имплицитно содержатся в поведении и (или) сознании индивидов. Процесс персональной модернизации с этой точки зрения является основополагающим для модернизации общества. А представители социального реализма считают, что общество больше суммы составляющих его индивидов. Получается, что общество как высшая реальность может определять поведение индивидов, включенных в порожденные социумом³ сложные ценностно-ролевые комплексы. Поэтому под воздействием институтов поведение индивида обязательным образом также должно измениться [Модернизация... 2002: 172].

Итак, еще раз отметим, что в современной социально-философской мысли и философии истории существуют разные другие подходы к модернизации. Например, процессы модернизации рассматриваются в трех различных значениях: 1) как внутреннее развитие стран Западной Европы и Северной Америки, относящееся к европейскому Новому времени; 2) догоняющая модернизация, которую практикуют страны, не относящиеся к странам первой группы, но стремящиеся их догнать; 3) современные инновационные процессы, характерные для стран, относящихся к западной цивилизации [Цапф и др. 2002: 22].

А С. Хантингтон указывает на возможность нескольких путей, моделей развития: 1) вестернизация без модернизации; 2) модернизация без вестернизации; 3) догоняющее развитие. Следовательно, первый путь представляется сомнительным, так как вестернизация и модернизация тесно взаимосвязаны. Второй путь называют постмодернизацией, по нему пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии (Сингапур, Гонконг, Южная Корея, Тайвань-Формоза и др.), которые модернизировались, не меняя своей идентичности. Третья форма развития – это догоняющее развитие, при котором пропорции модернизации и вестернизации примерно оди-

---

³ Подчеркнем, что под социумом мы понимаем человеческое общество в противоположность (относительную) природе. Это все неприродное, надорганическое, внебиологическое, то есть социальное (социальная материя), люди, их взаимодействие, отношения и связи.

наковы. По этой модели развивались Россия, Турция, Мексика и др. [Модернизация... 2002: 63].

Нельзя не принимать во внимание, что и исторически, и сегодня модернизация в России происходит в расколотом обществе. Это как минимум две позиции в общественном сознании: модернизаторы (западники) и традиционалисты (условно говоря, славянофилы), что не способствует единству и не может продолжаться бесконечно. Некоторые исследователи (западники) признают, что российская цивилизация – это не «северная евразийская цивилизация» (как заявляют патриотически настроенные обществоведы), а субцивилизация внутри восточнославянской (или православной) цивилизационной общности. И если во внешнем аспекте модернизационный процесс в России детерминируется определенным образом телеологией имперского противостояния Западу, то во внутреннем аспекте модернизационный процесс детерминируется динамикой борьбы доминирующей имперской и выступающей в качестве компоненты либеральной моделей модернизации. Причем имперская и либеральная модели модернизации, как уже указывалось выше, будучи разными по силе проявления, практически всегда действуют параллельно, что окончательно дезориентирует всех сторонников модернизации [Гавров 2004: 55, 72].

По поводу российской цивилизации как «субцивилизации» подчеркнем, что попытки унижить Россию (в том числе с помощью санкций) в последнее время особенно усилились⁴. В США всегда считали, что страны мира необходимо делить на дикие, варварские (в том числе Россию) и цивилизованные. Реалии современного мира, наоборот, подтверждают, что западная цивилизация переживает духовный кризис не в последнюю очередь потому, что носителями духовного прогресса становятся страны православно-славянского мира, цивилизационным кодом которого выступает совесть (со-весть Бога и человека), а ее внешним проявлением – чувство справедливости.

Необходимо учитывать, что Россия – это страна с неравномерно развивающимися регионами, что затрудняет модернизационные проекты, происходящие в очень разнородном социокультурном пространстве, поэтому данные процессы теряют однородность,

---

⁴ Сюда следует отнести и попытки расколоть православие.

внутреннюю согласованность, способствуют дезинтеграционным процессам. И вообще, как справедливо подчеркивают Ю. С. Пивоваров и А. И. Фурсов, «Россия – тяжелая страна; ни революции, ни реакция в ней до конца не проходят. Русская жизнь – это единство реакции и революций. А определяет это единство системообразующий элемент, ядро этой системы – Русская власть, называется ли она самодержавием или коммунизмом» [Пивоваров, Фурсов 1999: 180]. Не случайно попытки модернизации в России в 1990-е гг. углубили раскол общества и даже поставили страну на грань гражданской войны.

Для России проблема догнать и «проскочить» исторические фазы развития понятна. Исторические корни этого – в архетипе массового сознания, в укоренившейся еще в XVI в. идее о преимуществах «отставших народов». И эта вера в собственную исключительность сопровождала реформы от Петра I до Б. Н. Ельцина. А там, где разрушение старого предшествует созиданию нового, всегда есть место произволу и беззаконию.

Совсем не обязательно, что экономическая модернизация будет сопровождаться политической демократизацией. Поэтому новая организация общества не может насаждаться, утверждаться силой авторитета ее непосредственных инициаторов, а должна складываться («отлежаться», «выноситься», как ребенок во чреве матери). Хочется надеяться, что в современной российской действительности возможны эволюционное развитие и перерастание авторитарной модернизации (политическая воля) в ее демократическую фазу (демократическая модернизация) [Модернизация... 2002: 36–37].

Пример успеха китайских реформ особенно актуален в сравнении с попытками модернизации в современной России. Обращение к опыту Китая, не во всем похожего на Россию, но таких же вышедших из тоталитаризма государства и общества, можно приветствовать. Как подчеркивает С. А. Орлова, «столкнувшись с острой необходимостью экономической и технической модернизации, китайская элита не могла допустить внедрения на своих территориях западных политических и экономических институтов, разрушение своих способов хозяйствования и производства, вытеснения местных языков и т. д. Несомненно, китайская элита осознавала ценность своей уникальной цивилизации и не могла себе позволить “перестройку” путем резких модернизационных рывков» [Орлова 2014: 40]. И сегодня

Китай – одна из первых экономик мира. А если учесть, что в 1991–1993 гг. экономика Советского Союза – России была выше китайской (как, впрочем, и нынешней России) по стартовым возможностям, то нетрудно себе представить, каких успехов могла добиться наша страна, осуществив настоящую модернизацию.

Итак, перед Россией XXI в. стоят задачи модернизации, в частности, предполагающие интеллектуализацию страны (возмещение количества населения его качеством), развитие образования, науки (нанотехнологий и т. п.), развитие культуры (модернизация должна быть в головах на уровне общественного сознания, нравственности, а не на уровне технологии наживы, монетаризма). Необходимо найти те сферы, в которых Россия, сконцентрировав свои силы и использовав «сравнительное преимущество» (Д. Рикардо), может стать мировым лидером. Само собой разумеется, что должны осуществиться принятые в 2005 г. национальные проекты, с 2008 г. являющиеся государственными программами РФ (касающиеся здравоохранения, образования, достойного жилья, сельского хозяйства), которые в полной мере еще далеко не реализованы, а мировой финансово-экономический кризис (с 2008 г.) является слабым оправданием отсутствия значимых положительных результатов.

Нельзя забывать, что государство, проводя модернизацию, должно диверсифицировать экономику (потеснить «священных коров» – добывающие отрасли), несмотря на безработицу (хотя и уменьшившуюся), выстроить систему банкротства устаревших предприятий, выделить финансовые средства на реструктуризацию производства, а не на его выживание (как это было с «АвтоВАЗом», когда правительство финансировало каждого рабочего этого предприятия в сумме, в десять раз превышающей финансирование одного предприятия малого и среднего бизнеса).

Особенно подчеркнем следующее. Чиновничество, которое, по мнению В. В. Путина, фактически считает себя особой «кастой», по крайней мере с эпохи Николая I действовало в соответствии со своими интересами, даже несмотря на определенные указания сверху. Николай I не случайно признавался: «Россией правлю не я, ею правят столоначальники».

Статус и формализм позволяют бюрократии стать особым властным слоем. И сегодня чиновничество, даже будучи «рацио-

нальной бюрократией» (М. Вебер), помимо своей воли заклинивает систему управления страной.

История российской модернизации – это история реформ, революций и «перестроек». А специфика российской цивилизации состоит в том, что доминантой общественной интеграции выступает государство, которое задает обществу единый универсум и нормативно-ценностный стиль.

Литература

- Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. М. : УРСС, 2004.
- Герцен А. И. Концы и начала / А. И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. Т. 16. М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 129–198.
- Григорий Явлинский: На этих выборах все понятно... // Новая газета. 2003. 4 декабря. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2003/12/04/16288-grigoriy-yavlinskiy-na-etih-vyborah-vse-ponyatno> (дата обращения: 06.05.2019).
- Зарочинцев С. Идеи П. А. Кропоткина в XXI веке // Вестник РФО. 2014. № 4. С. 23–25.
- Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. М. : Мысль, 1989.
- Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / отв. ред. В. Г. Федотова. М. : ИФ РАН, 2002.
- Орлова С. А. Некоторые уроки китайской модернизации // Труды членов РФО. Вып. 19. М., 2014.
- Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. Русская система и реформы // Pro et contra. Проблемы глобализации. 1999. Т. 4. № 4. С. 176–197.
- Поппер К. Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 2. М. : Культурная инициатива, 1992.
- Тойнби А. Постигание истории. М. : Прогресс, 1991.
- Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–41.
- Цапф В., Хабих Г., Бульман Я., Делей В. Германия: трансформация через объединение // Социс. 2002. № 5. С. 19–37.
- Штомпка П. Социология социальных изменений. М. : Аспект Пресс, 1996.